

Юрченко Иван Юрьевич, Попов Виктор Владимирович

"ДЕЛО СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ". МАТРОСЫ, КАЗАКИ, КРЕСТЬЯНЕ-КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ГОРОДСКИЕ МАРГИНАЛЫ: ГОЛОДНЫЕ УЧАСТНИКИ КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА 1921 Г

В статье рассматриваются причины и социальный состав участников Кронштадтского мятежа 1921 г. Дан анализ традиционных взглядов в отечественной историографии на проблему. Показана степень участия и мотивы различных социальных групп восставших – матросов балтфлота, крестьян, рабочих, маргиналов. Авторы впервые обратили внимание на активное участие в восстании казаков Юга России и Украины. Сделан вывод о том, что главным побудительным мотивом участия в восстании различных социальных групп кронштадтцев стали проблемы продовольственного снабжения экипажей кораблей, гарнизона и гражданского населения крепости.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 214-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

CULTIC TYPE OF “HISTORIC AND CULTURAL MONUMENTS” IN MODERN RUSSIA

Shukhobodskii Aleksandr Borisovich

St. Petersburg State University

iso.museum.mem@gmail.com

The author demonstrates the cultic type features of the phenomenon “historic and cultural monument”, substantiates its primary importance in the formation of both individual and collective identity, and reveals a number of essential problems in the interaction between society and religious communities on the reception and use of “historic and cultural monuments”.

Key words and phrases: historic and cultural monuments; cultic type of monument; religious type of monument; object of cultural heritage; cultural value; culture; culturology.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются причины и социальный состав участников Кронштадтского мятежа 1921 г. Дан анализ традиционных взглядов в отечественной историографии на проблему. Показана степень участия и мотивы различных социальных групп восставших – матросов балтфлота, крестьян, рабочих, маргиналов. Авторы впервые обратили внимание на активное участие в восстании казаков Юга России и Украины. Сделан вывод о том, что главным побудительным мотивом участия в восстании различных социальных групп кронштадтцев стали проблемы продовольственного снабжения экипажей кораблей, гарнизона и гражданского населения крепости.

Ключевые слова и фразы: Кронштадтский мятеж; продрозверстка; голод; матросы; казачество; крестьянство; рабочие; городские маргиналы.

Юрченко Иван Юрьевич, к. ист. н., доцент**Попов Виктор Владимирович**

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

ivankazzak@mail.ru; victor.mojo@gmail.com

**«ДЕЛО СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ».
МАТРОСЫ, КАЗАКИ, КРЕСТЬЯНЕ-КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ГОРОДСКИЕ МАРГИНАЛЫ:
ГОЛОДНЫЕ УЧАСТНИКИ КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА 1921 Г.®**

Сегодня в отечественной историографии и массовом сознании прочно утвердился стереотип о социально-политических причинах Кронштадтского мятежа 1921 г. Главным мотивом участников восстания считается общее недовольство петроградских рабочих и матросов – вчерашних крестьян - политикой «военного коммунизма». А сам Кронштадтский мятеж уже давно считается одной из главных причин провозглашения В. И. Лениным на X съезде партии «Новой экономической политики». Эта точка зрения отражена в научных монографиях и диссертациях, школьных и вузовских учебниках, энциклопедиях и справочниках. Однако анализ программных документов восставших и других исторических источников позволяет нам усомниться в истинности столь упрощенной трактовки событий 1921 г. Для того чтобы дать объективный анализ Кронштадтского мятежа и оценить его место в истории Советской России, нам необходимо, прежде всего, внимательно рассмотреть социальный состав кронштадтцев, а уже затем можно будет постараться найти и выявить главные побудительные мотивы восставших.

При рассмотрении вопроса о причинах Кронштадтского мятежа 1921 г. нам необходимо разделить социальное происхождение участников мятежа и социальный статус, полученный ими уже в Кронштадте. Для пополнения личного состава ещё в 1918 году было создано «бюро вольного найма». С. Н. Семанов [7; 8] считает, соглашаясь с мнением эмигрантской газеты «Последние известия», что через него во флот попали деклассированные элементы. Так как крепость с 1919 года вошла в состав Балтийского флота, то в ней находилось много военных, считая флот и сухопутные войска гарнизона. Кроме флота и сухопутных частей, в городе, конечно, находились и гражданские предприятия, обслуживающие флот и население города (ремонтные мастерские, доки, магазины, склады, учебные заведения). В городе жили рабочие и служащие с семьями, а также семьи военных.

Всего военных в Кронштадте насчитывалось около 25–26 тысяч [9, с. 56]. Эта цифра не вызывает сомнения у разных исследователей. Многие служили ещё с довоенного времени. Но значительная часть восставших были новобранцами. В советской литературе мы находим, как правило, оценки социального происхождения восставших, которые базируются на утверждении об абсолютном (до 90%) преобладании среди них

выходцев из крестьянской среды. Не приводя своих данных, с этим согласны и Пол Эврич, и С. Н. Семанов. Действительно, за январь–ноябрь 1920 г. на Балтийский флот прибыло около 10 тыс. новобранцев, значительная часть которых прибыла с Украины, Дона и Кубани. Однако, если внимательно разобраться в социальном происхождении новобранцев, выясняется, что это были далеко не одни крестьяне.

Среди новобранцев было немало молодых казаков, чьи отцы сражались против большевиков в рядах Белой Армии, а деды и матери подверглись репрессиям в ходе политики расказачивания. Эти молодые казаки были мобилизованы в армию и обучены еще белыми. Но в условиях развала белого фронта на Юге и стремительного наступления красных, эти «мобрезервы» «достались по наследству» большевикам. Кто-то из казаков разбежался по домам, кто-то ушел к зеленым. Но значительная часть белых казаков-призывников пошла к красным, рассчитывая на то, что их отправят на Крымский фронт, где им удастся дезертировать и перейти на сторону белых, чтобы воссоединиться со своими отцами, братьями, станичниками. Понимая (или подозревая) это, большевики отправили мобилизованных казаков отдельными группами для прохождения службы не на юг, а на север. Именно так значительная часть казаков оказалась в Кронштадтском гарнизоне.

Семанов анализирует документы из бюро жалоб при политотделе Балтийского флота, где сохранились жалобы от матросов и солдат частей, приданных флоту: «В преобладающем большинстве жалоб матросов и красноармейцев идет речь о тяжелом положении на родине, прежде всего в деревне. Анализ документов показывает, что основная масса жалоб касается северо-западных губерний – Череповецкой, Псковской, Олонецкой, Вологодской и т.д.» [8, с. 62–63]. Об этом же говорит в интервью матрос Петриченко, где он вспоминает о визите на родину, в деревню. Все эти факты говорят, безусловно, о преобладании среди солдат–новобранцев выходцев из крестьянской среды, хорошо знающих о положении в деревне, не успевших от неё оторваться, только начавших примерять на себе новую социальную роль.

Однако если говорить о главных мятежных кораблях – «Петропавловске» и «Севастополе», - то там картина прямо противоположная. Как уже говорилось выше, Семанов доказал, что на этих кораблях 4/5 экипажа начали службу ещё до 1917 года. Также имел место более высокий процент моряков пролетарского происхождения, чем в остальных частях. На основе архивных материалов Семанов вычислил, что на этих кораблях количество бывших офицеров и гардемарин составляло 69% от общего числа комсостава. Вместе с тем он, ссылаясь на ряд мемуаров, делает вывод, что «все они были между собой спаяны, среди них была своя дисциплина. Жили замкнуто... В кают-компаниях они были хозяева, коммунистических сил там совершенно не было» [Там же, с. 62–67].

Судьба участников Кронштадтского мятежа сложилась трагически. Одни погибли при штурме, другие были расстреляны или репрессированы после подавления восстания. Больше повезло тем, кто успел перейти по льду Финского залива в Финляндию. Всего в Финляндии оказалось по приблизительным подсчетам около 11800 человек, в том числе до 200 семей с женами и детьми [2, с. 179–180]. Ониполнили ряды русской эмиграции. Советское правительство развернуло пропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы вернуть мятежных кронштадтцев на родину. Этим усилиям большевиков немало способствовало и финское правительство. Оно просто не знало, что делать с этими беженцами в маленькой Финляндии, а с другой стороны, всячески стремилось избежать возможных конфликтов с Советской Россией. Поэтому значительная часть беженцев вернулась на родину, где уже в 1930-е гг. многие вновь подверглись репрессиям. Те, кто не поверил большевикам, остались на работах в Финляндии. Кто-то остался в стране надолго, а кто-то позднее выехал в Европу.

Любопытно сложилась в эмиграции судьба казаков-кронштадтцев. Среди беженцев, интернированных в Финляндии, их было немало. По свидетельствам участников Кронштадтского мятежа, собранным в Финляндии полковником Ф. И. Елисеевым, казаки приняли самое активное участие в восстании. Только кубанцев в крепости насчитывалось около двух с половиной тысяч. Из этого числа около 800 казаков-кубанцев 1900–1901 гг. рождения спаслись в Финляндии [Там же, с. 17]. Это были молодые ребята, не успевшие в годы Гражданской войны «по малолетству» попасть в белоказачьи войска и мобилизованные позднее в Красную Армию. Оказавшись в зоне антибольшевистского мятежа, они приняли сторону восставших и вынуждены были эмигрировать.

Одним из таких казаков был Г. А. Солодухин, впоследствии прославившийся как артист, танцор, мастер конной джигитовки. Он оставил подробные воспоминания, которые могут служить важным источником по истории казаков-эмигрантов – участников Кронштадтского мятежа. В Финляндии казаки находились на положении беженцев, но правительство обеспечивало их работой. Казаки старались даже на чужбине сохранить свою культуру, научить молодежь и передать ее своим потомкам. Около 100 казаков объединились в Кубанско-Финляндскую станицу во главе с атаманом полковником Ф. И. Елисеевым и создали казачий хор и казачий танцевальный ансамбль, сшили себе казачью одежду. В 1925 году 50 человек Кубанско-Финляндкой станицы переехали во Францию на работу. Поселились они в городе Виши, арендовав заброшенную ферму. Жизнь на ферме была организована по казачьим традициям. В том же году по приглашению генерала Шкуро 20 казаков из Виши приехали принять участие в джигитовке в Париже. Финансировал это мероприятие сирийский банкир Саказан. Администраторами стали кубанские казаки Врангелевской армии. Представления по джигитовке в 1925 году состоялись на стадионе Буффало и в самом Париже на Марсовом поле. На обеих площадках казаки имели большой успех, после чего группа разделилась на две части и отправилась раздельно гастролировать по Франции и Англии. Затем часть казаков выехала в США, где они ставили трюки и снимались в Голливуде. Впоследствии кубанские и другие казачьи джигитовочные группы приобрели заслуженную мировую славу.

Таким образом, можно видеть, что социальный состав участников кронштадтских событий 1921 г. был самый разнородный: здесь и пролетариат, и крестьяне, и казаки, и бывшие офицеры, и кадровые матросы старого флота, и мелкобуржуазные круги, и деклассированные элементы. Разными были и политические взгляды, и симпатии кронштадтцев. Среди восставших находились и революционные матросы, и реальные или, по крайней мере, потенциальные контрреволюционеры, и белые казаки, и анархисты, и социалисты различных оттенков. Что же объединяло таких разных кронштадтцев? Какие основные мотивы заставили их всех присоединиться к восстанию? Для ответа на эти вопросы, прежде всего, необходимо рассмотреть основные программные заявления и требования восставших кронштадтцев.

Если обратиться к главному документу восстания – «Резолюции собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 г.», то увидим, что моряков не очень сильно волновало ограничение их политических прав на протяжении 1917–1919 гг. Нет требований восстановления Центробалта, как нет и требований о восстановлении избираемости командиров и комиссаров. Политические требования восставших, конечно, затрагивают общероссийские проблемы. Здесь и требование перевыборов в советы, и требование свободы слова для левых партий, и требование упразднения политотделов и вооруженных коммунистических отрядов на предприятиях. Также есть требование о разрешении крестьянских объединений. Однако есть и одно гораздо менее абстрактное требование проведения беспартийной конференции рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии «не позднее 10 марта».

Такой набор требований восставших говорит о нескольких уровнях мышления экипажей линкоров. Эти уровни – общероссийский, губернский и местный. Какой из них главный? Можно предположить, что если бы то или иное требование было действительно важным, жизненно необходимым, то и мятежники во главе с ВРК пытались бы его реализовать. Вспомним, как в 1917–1918 гг. моряки активно участвовали в мероприятиях по реализации лозунга «Вся власть Советам!». В 1921 г. они ограничились лишь отправкой двух делегаций и нескольких агитаторов в Петроград и Ораниенбаум. Можно предположить, что избрание ВРК на делегатском собрании 2 марта практически полностью удовлетворило политические требования кронштадтцев. Более того, в обращении от 2 марта Председатель ВРК Петриченко заявляет: «Задача Временного Революционного Комитета дружными и общими усилиями организовать в городе и крепости условия для правильных и справедливых выборов в новый Совет» [5, с. 55]. То есть задачи, которые ставит перед собой ВРК, очень узкие. В обращении же к «Крестьянам, рабочим и красноармейцам» от 8 марта предлагаются следующие действия: «Рабочие, моряки и красноармейцы! Установите между собою прочную, непрерывную связь. Берите из своей среды верных и преданных общему делу делегатов, снабдите их полномочными мандатами на немедленное проведение в жизнь требований трудящихся... Немедленно свяжитесь с Кронштадтом. В Кронштадте вся служба связи в руках Временного Революционного Комитета. Товарищи рабочие, моряки и красноармейцы! Ваша судьба в Ваших руках. Наступил момент, когда Вы призваны к тому, чтобы вывести страну из создавшейся разрухи и осуществить на деле завоеванные с такими жертвами права на свободную жизнь. Вы, товарищи, давно уже ждали новой жизни, ждали безнадежно. Коммунистическая партия не дала ее Вам. Так создайте же ее сами. Временный Революционный Комитет г. Кронштадта призывает Вас, товарищи рабочие, красноармейцы и моряки, оказать ему поддержку» [4, с. 127]. Отсюда видно – то, что происходило на материке, мало интересовало восставших. Более того, они сами ждали поддержку с материка.

На наш взгляд, главная причина подавляющего числа бунтов во флоте – плохое питание. Достаточно привести всего один пример. Восстание на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» началось из-за возмущения матросов качеством питания. В течение января–февраля 1921 г. продовольственное снабжение моряков ухудшилось по причине общего экономического кризиса. В донесениях командиров и комиссаров частей и кораблей стали особенно часты сообщения о недостаточной выдаче продовольствия.

В политическом докладе Побалта за первую половину февраля говорилось: «Дело снабжения продовольствием неудовлетворительное: поступления продовольствия самые незначительные ввиду временного приостановления железнодорожного движения на Юге и в других районах Республики, откуда поступало продовольствие. Если положение с транспортом и с топливом в ближайшие дни не улучшится, то существующую теперь норму придется сократить до минимума, ибо наличие в складах продбазы рыбы, мяса, муки и др. продуктов позволяет нам существовать не далее как до 5 марта, то есть только 20 дней. С крупой дело обстоит по-прежнему плохо, так как таковая совершенно за последнее время не поступает. Ремонт мельницы, обслуживающей нужды флота, предполагается закончить к 1 марта; начав работу, мельница несколько смягчит продовольственный кризис, давая возможность вовремя получить муку и крупу. Продмаршрут с мясом из Сибири не прибыл. Мясной наряд в Псковской губернии выполняется слабо, и возлагать на него большой надежды не приходится». В самый канун мятежа положение оставалось по-прежнему крайне тяжелым. В докладе Побалта за вторую половину февраля отмечалось: «Продовольственный вопрос за последнее время обстоит весьма неудовлетворительно: муки, крупы и пр. продуктов всего-навсего на несколько дней, поступления же крайне скудны, а прибегать к сокращению пайка было невозможно в связи с разыгравшимися в Петрограде событиями» [8, с. 59–61]. 26 января в «Петроградской Правде» выходит постановление Совета Труда и Оборона за подписью Ленина о сокращении на треть в очередной раз хлебного пайка в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске и Кронштадте [1, с. 19]. Новое ухудшение снабжения произошло, когда «17 февраля Петросовет объявил о новом снижении хлебных норм для некоторых категорий граждан. Тогда же были отменены некоторые специальные продовольственные пайки» [8, с. 34]. Как мы можем видеть, именно вопрос продовольственного снабжения стоял на повестке дня в Кронштадте накануне восстания. Положение не улучшилось и в дальнейшем.

Устранив в результате мятежа областные советские органы из цепочки снабжения города, крепости и флота, ВРК сам начал заниматься распределением продовольствия. Тут же ВРК неизбежно столкнулся с проблемой недостатка продовольствия. Несмотря на резолюцию от 1 марта, в которой говорилось: «9) Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов» [6, с. 50], распределение продовольствия приняло несколько иные формы. 7 марта 1921 г. вышло объявление, что «сухопутный и морской гарнизоны крепости будут получать взамен прежнего пайка ежедневно: хлеба ½ фунта, консервов мясных полбанки, мяса ¼ фунта. Это была высшая норма – литер «А» (мятежники оставили привычные советские обозначения видов пайка). По другим карточкам вместо хлеба выдавался овес (по ¼ фунта), пшеница, ячмень, или ½ фунта сухарей или галет». С 15 марта – сокращение: «войсковым частям, морякам и рабочим предполагалось выдавать по ½ фунта хлеба или ¼ фунта галет и по 1 банке мясных консервов на четырёх человек. Остальным гражданам вместо хлеба и галет выдавалось по 1 фунту овса» [7, с. 193–194]. Все это говорит о дальнейшем ухудшении снабжения населения продовольствием в мятежном Кронштадте.

Вероятно, в случае продолжения мятежа, ВРК, вынужденный искать источники пополнения продовольственных запасов, волей-неволей должен был пойти на политическое соглашение с эмигрантскими кругами. Однако здесь нас интересует другое обстоятельство: требование уравнения пайков не соблюдалось самими восставшими. А вот свидетельства о недовольстве солдат и матросов разницей в материальном положении с советской элитой сохранились. В мемуарах отмечалась такая сцена на Якорной площади 1 марта: «Когда на трибуну вышел Михаил Иванович [Калинин], толпа несколько успокоилась. Но ветер относил слова, к тому же огромная площадь не позволяла охватить всю массу, зачинщики же не дремали. – Брось, Калиныч, тебе тепло, – раздавались голоса то из одного, то из другого угла. – Ты сколько должностей-то занимаешь и поди везде получаешь! – орал бородатый красноармеец из середины толпы» [3, с. 67–68]. Фактически это не требование хлеба, а упрек Калинину за то, что он больше получает. Видимо, у собравшихся не вызывал сомнения тот факт, что ответственные работники получают больше остальных. Таким образом, с нашей точки зрения, именно вопросы продовольственного снабжения больше всего волновали восставших и были одним из главных мотивов участия в антибольшевистском восстании.

Список литературы

1. Демидов В. А. Кронштадтское восстание 1921 года: дисс... канд. истор. наук. М., 1996. 185 с.
2. Джигитовка казаков по белу свету / сост., науч. ред., предисл., прилож. и комм., илл. П. Н. Стрелянов (Калабухов). М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. 383 с.
3. Кузнецов Б. Из воспоминаний политработника. М. – Л.: Государственное издательство; Отдел военной литературы, 1930. 88 с.
4. Обращение ВРК Кронштадта к рабочим, красноармейцам и матросам // Кронштадт-1921: документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М.: Международный фонд «Демократия», 1997.
5. Обращение населения крепости и Кронштадта // Кронштадт-1921: документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М.: Международный фонд «Демократия», 1997.
6. Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 г. // Кронштадт-1921: документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М.: Международный фонд «Демократия», 1997.
7. Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М.: Эксмо, 2003. 256 с.
8. Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М.: Наука, 1973. 232 с.
9. Эврич П. Восстание в Кронштадте. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2007. 239 с.

“FOOD SUPPLY IS UNSATISFACTORY”. SAILORS, COSSACKS, PEASANTS - RED ARMY SOLDIERS AND URBAN MARGINAL PERSONS: HUNGRY PARTICIPANTS OF KRONSTADT REVOLT OF 1921

Yurchenko Ivan Yur'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Popov Viktor Vladimirovich
Moscow Aviation Institute (National Research University)
ivankazzak@mail.ru; victor.mojo@gmail.com

The authors consider the reasons and social composition of Kronstadt revolt of 1921, give the analysis of traditional views on the problem in national historiography, show the degree of participation and the motives of various social groups of the rebels - the Baltic Fleet sailors, peasants, workers, marginal persons, for the first time pay attention to the active participation of Cossacks from Southern Russia and Ukraine in the rebellion, and conclude that the main motivation of Kronstadt various social groups' participation in the rebellion was the problems of food supply for the crews, garrison and civilian population of the fortress.

Key words and phrases: Kronstadt revolt; surplus-appropriation system; hunger; sailors; Cossacks; peasants; workers; urban marginal persons.